

Сезон муссонных ливней подкрался к заросшему непроходимыми джунглями острову и влажными лапами вытеснил зимнюю засуху. Мутно-зеленые волны горячего океана дробили перевернутый месяц на сотни серебристых осколков, похожих на разбитое зеркало. Джунгли предвкушали проливной дождь, тянули ветви к выцветшему тропическому небу, пели гимн приближающейся влаге многоголосым нестройным хором — крики обезьян, треск, клёкот и свист разноцветных птиц, хриплые вздохи просыпающегося болота.

Старуха с коричневым от загара лицом, круглым, как медная тарелка, осторожно шла по размытой ливнем земле, ловко пробираясь между тесно растущих деревьев. В одной ее руке была увесистая сучковатая палка, похожая на артритную руку великана — Старуха простукивала ею землю, прежде чем сделать очередной шаг. В другой — маленький, остро заточенный топорик, которым она ловко перерубала лианы, перегородивающие путь. Руки у нее были жилистые и

сильные. Руки крестьянки, всю жизнь кормившейся от земли.

В невидящих глазах, подернутых мутной серой пленкой, жутковато преломлялся свет луны, и казалось, что они наполнены дымом.

Старуха ослепла почти три четверти века назад. Но и тогда, давным-давно, она уже была немолодой и сторбленной. Бабка жила на свете столько лет, что почти ничего не помнила, кроме своей бесконечной старости, упырем присосавшейся к ее слабеющему телу.

Она очень устала. Все у нее болело — ноги, суставы, спина, желудок, сердце. Но смерти она не желала и не ждала — напротив, боялась и воспринимала ее бархатный занавес как вход в геенну огненную. Старухе было за что гореть в вечном пламени, и она боялась даже об этом думать.

Несмотря на слепоту, она отлично ориентировалась в лесу, словно у нее было обоняние зверя или встроенный компас.

Идти становилось все сложнее — теперь ноги по щиколотку вязли в илистой слякоти. Земля была такой засасывающей и цепкой, будто хотела непременно утянуть Старуху в бездонные гниlostные глубины и перемолоть в пыль в подземных огненных жерновах.

Близился конец пути.

Дерзкие ароматы ночных цветов, сочных влажных листьев, горячей скользкой земли, мускусной близости невидимого зверя стали слабее, словно их развеял океанский бриз. Над пузырящимся, поросшим жесткой осокой болотом солировал иной запах — тяжелый и

тревожный до дрожи. Старуха знала запах этого болота уже полвека, но так и не смогла к нему привыкнуть.

Кто хоть раз почувствовал омерзительный запах, никогда его не забудет и ни с каким иным не перепутает. Как-то сразу можно было понять, что это запах смерти. Древний уснувший инстинкт подсказывал — неблагоприятный запах, опасный. И кожа бугрится ледяными мурашками, и сердце раздувается, как старая жаба, заполняет собой всю грудную клетку и колотится так, что трудно дышать. Гнилостная сладость расплзающейся плоти, присахаренный металл разлитой крови, страх, угасание, последняя агония надежды и равнодушные вечного небытия.

Вот и сейчас Старухе пришлось остановиться, упереться рукой в дерево и выблевать свой скудный обед. Утерев рот подолом легкой выцветшей юбки, Старуха продолжила путь. Осталось совсем немного. Она уже слышала призыв, шла на него, как оборотень на полную луну.

Наконец ее палка уткнулась в гладкий ствол мощного растения. Эти растения росли в сердцевине болота, их листья, похожие на гигантские листья кувшинки, были размером с колесо грузового автомобиля. Более слабые экземпляры стелились по краю болота.

Старуха жалела слабеньких и всегда кормила их первыми. Она осторожно погладила упругий горячий лист. Она уже давно не чувствовала страха. Как будто входила в клетку к вялым перекормленным тиграм.

Старая женщина ощутила мягкое прикосновение к щеке — к ней прислушивались, ее ощущивали.

Болотную траву качнул порыв ветра, и запах гниющего белка усилился. Странные растения почуяли присутствие Старухи, звали ее. Они были голодны.

Со вздохом женщина сняла с плеч большой туристический рюкзак. С коротким «вжик» разъехалась молния, и брезентовое нутро явило гостиницы, которые она принесла.

— Мало, — сокрушенно заметила она. — Сама понимаю, что этого мало...

Старые люди часто сами с собой разговаривают вслух, будто вокруг них толпятся призраки.

Она вынула из рюкзака пакет, достала из него увесистый шмат парного, сочащегося сукровицей мяса, из которого торчали обрубленные кости. На открытой ладони протянула пищу в пустоту душной ночи — и едва успела отдернуть руку. А потом, замерев, слушала чавканье и хруст. И в который раз благодарила всех богов за то, что слепота не позволяет ей видеть, как это происходит. Как *они* едят.

Недолго задержавшись возле первой группы, Старуха пошла дальше, каждые несколько метров останавливаясь и протягивая в пустоту мясо.

Над болотом воцарилось торжество полуночного пира.

Отдав последний кусок, она торопливо водрузила рюкзак на спину и с максимальной скоростью, на которую была способна, двинулась в обратный путь. Старуха знала, что с минуты на минуту *они* поймут, что еды сегодня мало — еще меньше, чем в прошлый раз. И тогда ей не унести ноги.

Уже почти добравшись до кромки леса, она вдруг почувствовала, как по спине будто полоснули гибким прутом. Одно растение не выдержало и пометило ее как жертву, как еду. И это несмотря на то, что Старуха растила их сызмальства.

Одним широким прыжком бабка выскочила в без-опасную зону — и откуда только силы взялись! Больно приземлилась на колени в вонючую болотную жижу, теплыми каплями оросившую ее лицо.

Обожженное ударом место глухо саднило — такое случилось не в первый раз, и Старуха знала, что теперь рана не заживет очень долго. Несколько месяцев будет подгнивать по краям.

Она палкой нащупала поваленное дерево, села и без-звучно заплакала от бессилия, вытирая слезы ладонью.

Вдруг ей почудились шаги, совсем рядом. Старуха насторожилась, повела носом и успокоилась — запах незваного гостя был ей знаком.

— Это ты, — глухо сказала она.

— Опять напали? — спросил мужчина на ее языке уверенно, но с чудовищным акцентом.

— Как видишь. Им мало. Так нельзя. Я больше не могу носить так мало мяса. Это для меня опасно. Когда еды не хватает, *они* всегда нападают, — вздохнула Старуха.

Мужчина опустил на дерево рядом с ней. Старуха почувствовала твердость его плеча и кислотоватый запах пота.

— Где же взять больше мяса? — спросил он. — На ферме почти никого не осталось.

— Плохо охотитесь. В следующую субботу сам понесешь рюкзак.

— Ну, прекрати. Ты же знаешь, что *они* принимают только тебя. Мне и двух метров не пройти по этому болоту, даже если целый воз мяса приволоку.

— Если их не кормить, *они* не зацветут. Начинается сезон дождей. *Они* могли бы набрать бутоны, если бы было вдоволь мяса.

— Мы решаем этот вопрос. Ксавье вчера отправился на материк. Привезет кого-нибудь.

— Только тощих пусть не берет.

— Ты слишком многого хочешь... Ну ладно-ладно. Не расстраивайся. Ксавье — хороший охотник.

— Сам-то зачем сюда приперся среди ночи? — ворчливо спросила Старуха и закусила нижнюю губу — рана на спине стала саднить сильнее.

— Меня послали проследить, чтобы с тобой ничего не случилось, — ответил мужчина. — Убедиться, что ты жива.

— Ага, значит, понимают, как я рискую.

— Это долго не продлится. Скоро вернется Ксавье и будет мясо. А сейчас пойдём, я провожу тебя домой.

* * *

История эта странная, как сказка, обрывками дошедшая до нас из дремучих времен, мрачная, средневековая. Будто бы посреди зеленой водной глади, которой ни конца ни края не видать, лежит под солнцем

удивительный остров Смертушкин. Случайно человек не может его найти, но даже если нарочно снарядит к нему свой корабль — не отыщет. Остров тот могут увидеть только люди, которых сама Смертушка к себе в гости ждет. Тогда уже хочешь не хочешь, а придется ехать.

О какой местности речь идет — и не поймешь уже. Одни говорят, что это северные земли, где небо круглый год припудривает океан снегом, другие считают, что Смертушкино тайное царство находится в самом центре Земли, где зима и лето похожи друг на друга. А есть и такие, которые утверждают, что остров тот не в середине океана прячется, а в бескрайнем озере. У этой, последней, теории было много последователей в романтические девятые годы, когда происходящее вокруг было так страшно, что люди легко верили в чудо и бросались искать доказательства.

Про остров Смертушкин писали популярные газеты, и нашлись энтузиасты, организовавшие поисковые экспедиции. Кто-то бороздил Ладожское озеро, кто-то ехал на Крымское побережье, ища остров на дне морском. Появились даже богачи-романтики, которые могли себе позволить исследовать заморские острова, нанять команду аквалангистов и, попивая просекко — итальянское игристое вино — на белоснежной яхте, контролировать, достаточно ли те преданы идее и активны в поисках.

В те годы один журналист опубликовал, а его собратья по перу сороками разнесли по всему информационному пространству загадочную историю.

Некий банкир несколько лет финансировал уфологические экспедиции — он искренне верил, что раз у него получилось ухватить за хвост птицу счастья и нажить быстрые деньги, то именно он достоин стать первым землянином, который пожмет руку пришельцу из далеких галактик.

Из-за этого странного хобби от банкира даже ушла жена, несмотря на то, что их семейное гнездышко находилось не в какой-нибудь коряво сложенной хрущевке (не требуется особенной силы воли, чтобы уйти в дальние дали, оставив за спиной тесную комнатушку с вечно поющими батареями и скандальными соседями за тонкой стеной), а в пятиэтажном особняке, выстроенном на манер дворца, с колоннами, зимним садом и штатом прислуги, театрально одетой в дореволюционные наряды. Жена ушла в панике и с единственным чемоданом, потому что никакие меха и сверкающие камни-самоцветы не могли сравниться с той свободой, которую она обрела, — больше не надо было часами слушать бред о том, что ее супруг вскоре полетит на Альфу Центавру; больше не надо было терпеть сочувственные взгляды друзей, которых становилось все меньше. Теперь она могла жить хоть в маленьком, но светлом и уютном доме — без любительской обсерватории, без странных гостей, нервных, с густой растительностью на обветренных лицах, с шизофренически блестящими глазами.

Банкир несколько лет водил дружбу с самыми лютыми и погруженными в контекст уфологами, возил их то к местам падения метеоритов, то в аномальные

зоны тайги, то на Северный полюс. Но потом понял, что лукавые уфологи просто водят его за нос, они и сами-то не верят, что однажды длинноголовые и трехглазые синие инопланетяне, чьи тела распространяют серебристое свечение, выйдут из густых зарослей орешника где-нибудь на краю земли, в Сибири, и скажут: «Ну, здравствуй, брат! Ну, наконец-то!» Уфологам просто нравилось, что можно бесплатно путешествовать и жить в непромокаемой немецкой палатке, а не укреплять полиэтиленом сто раз заштопанную советскую; что можно взять с собою не самогон, а ящик хорошего виски, и закусывать сырокопченой колбаской.

Банкир был разочарован настолько, что даже устроил погром в домашней обсерватории — его психоаналитик считал, что нельзя удерживать гнев внутри.

Но мятежный ум и жажда приключений требовали новый объект сублимации, и подвернувшаяся легенда об острове Смертушкин пришлась как нельзя кстати.

Банкир нанял штат из восемнадцати служащих — ученых, аквалангистов, даже телохранителей. В глубине души он, конечно, понимал, что даже до зубов вооруженные люди с быстрой реакцией, крепкими мускулами и ледяными сердцами едва ли смогут сделать хоть что-нибудь против такого соперника, как сама Смертушка. Она и воевать с ними не станет, просто в ее черных глазах появится фирменная Смертушкина поволока, противостоять которой не смогут никакие спецназовские психотехники. Походка Смерти будет

мягкой, голос — вкрадчивым, а объятия — сладкими. Но все-таки с охраной было как-то спокойнее.

И вот вся эта компания отправилась на какие-то экваториальные острова, где сначала неделю пугала администрацию местных городков, неискушенную встречами с психами такого рода, а потом отбыла на арендованной яхте в океан.

И больше их никто никогда не видел.

Зато яхту нашли — брошенная, она качалась на волнах. Московские друзья банкира скинулись на поисковую экспедицию, только все без толку — все восемнадцать человек пропали, даже косточек не нашли.

Одна деталь этой истории особенно возбуждала журналистов — будто бы на борту яхты острым гвоздем было нацарапано коряво: «Он все-таки существует! Не ищите его».

Кто-то, конечно, посчитал, что это грамотная мистификация, и банкир воспользовался мрачной легендой, чтобы скрыться от налогов, кредиторов, «крыши», или от киллера, короче, от тех, от кого обычно скрываются отважные банкиры. И теперь, изменив внешность и поменяв документы, наслаждается жизнью где-нибудь в Майами, а то и вовсе в Сиднее. Но были и такие, которые верили, что банкиру удалось-таки найти остров Смертушкин.

В общем, похоронили пустой гроб (в него положили любимый костюм банкира и его неразборчивые записи «уфологических времен»), бывшая жена даже всплакнула на поминках, а потом вступила в права на-

следования, вернулась в пятиэтажный особняк и, кажется, живет в нем до сих пор в добром здравии.

А один известный в узких кругах поэт, чемпион мира по бытовой философии под пиво с воблой, написал про остров Смертушкин небольшой очерк, который опубликовали в литературном журнале, а потом его еще долго цитировали на богемных московских кухнях.

Поэт писал о том, что в реальности никакого острова не существует, что не стоит понимать сказки и мифы буквально, ведь они написаны на языке символов. Так что остров Смертушкин — это просто часть человеческой психики, которая отвечает за интуитивное предчувствие кончины и переносит человека в особенное пространство, чтобы еще при жизни его сознание начало примиряться с Вечностью. Также философ утверждал, что Смертушка не сразу забирает человека в свои заморские владения — нет. Она сначала приходит в гости и некоторое время живет неподалеку от того, кому уже куплен билет с проставленной датой на лодку Харона. Сидит напротив за кухонным столом, смотрит, как тот пьет чай — ласково смотрит, почти по-матерински, подперев костлявой рукою щеку.

Смертушку простому смертному не видно, зато ее присутствие явственно ощущается, и разделившему с ней радость чаепития становится вдруг как-то не по себе — в груди холодок набухает, по жилам разливается состояние почти ласковой приятной тоски. Хочется даже тарелку с бутербродом отодвинуть, подойти к окну и взглянуть вдаль — как будто мокрые крыши